

Новая Польша 3/2016

0: Польскость, но какая?

Стыдно сказать, но задача, состоящая в определении «польскости», кажется мне довольно странной и весьма щепетильной. «Польскость» как тема размышлений требует, прежде всего, задуматься о том, что же должно означать это понятие: «национальный характер», специфические особенности культуры, образ мысли? Состояние сознания? Чьего? «Всех» поляков? «Настоящих» поляков? «Избранных» поляков? А может быть, все-таки «польскость» — это черты, которые полякам приписывают другие: немцы, французы, норвежцы или эстонцы? А если так, то как их привести к общему знаменателю? Ведь мексиканцы видят одним образом, евреи — иначе, а новозеландцы — совсем по-другому.

Как видите, уже в самом начале мы имеем дело со страшным материй смешением¹ Перефразируются слова Скшетуского из романа Г. Сенкевича «Огнем и мечом»: «Однако в книжице твоей странное весьма материй смешение» — *Примеч. перев.*

Вдобавок, даже если принять, что «польскость» — это определение состояния некоего «национального самосознания», то непонятно ни то, когда, собственно, эта «польскость» объявилась на нашей планете, ни как она будет выглядеть, когда от поляков останутся одни воспоминания. Верно писал Януш Тазбир: «Начиная со времен Мешко I и заканчивая Второй Речью Посполитой, лишь часть людей, которые, объективно говоря, были поляками, отдавала себе в этом отчет»². J. Tazbir, Polska na zakrętach dziejów, Warszawa 1997, s. 328. Чтобы еще больше усложнить вопрос, добавим, что не до конца ясно, кто, «объективно говоря», мог бы принадлежать к числу поляков: те, кто сами себя считали поляками, или те, кого мы сегодня поляками называем? Во втором случае немаловажным кажется вопрос: кто обладает мандатом, чтобы судить о чьей-то «польскости» либо из этой «польскости» исключать? На чем основан этот мандат?

Сплошные проблемы — тем более что, вероятно, в разные эпохи понятие польскости обозначало разные вещи. Чем была эта «былых поляков вольность и гордыня»³ Здесь и далее цитаты из стихотворения А. Мицкевича «К матери-польке» в пер. Евг. Шидловского – *Примеч. перев.*, от которой поэт хотел уберечь в неволе их потомков, предостерегая, что верность идентичности, понимаемой таким образом, принесет «петлю, и бревно, и две опоры» да «женщины недолгие рыдания»? Отождествлять ли Польшу с той Сарматией, представителем которой — «Sarmatiae orator regis» (лат.) посланник королевства Сарматия — многие годы оставался при испанском дворе Ян Дантышек⁴ Ян Дантышек (Иоганн фон Хоффенс) (1485–1548) – польский религиозный деятель и дипломат, один из самых знаменитых поэтов Европы эпохи ренессанса — *Примеч. перев.*

Придется ли нам согласиться с тем, что писал Конрад Цельтис⁵ Конрад Цельтис (1459–1508) – немецкий неолатинский поэт рубежа XV–XVI веков, несколько лет живший в Польше — *Примеч. перев.*, прочно связанный с Польшей, как и певец наших пейзажей Каллимах, в (латинском) стихотворении «О роже сарматок»:

Девы в стране той дурны широкой сарматскою рожей,
Ярко на лицах горит блеск лишь отверстых зениц,
Хочет за очи одни любая красоткой считаться,

Ибо ланиты ее бледность покрыла, как тень.⁶ Antologia poezji polsko-łacińskiej 1470-1543, wstęp i oprac. A. Jelicz, tłum. K. Jeżewska i E. Jędrkiewicz, Szczecin 1985, s. 94.

И как это сочетается со всеобщим убеждением соотечественников в том, что «лучший витамин — это польские девчата»⁷ Слова из популярной песни – *Примеч. перев.*

И что общего у этой Сарматии с современной Польшей? И есть ли вообще смысл — помимо того исторического эпизода, в котором нам довелось сегодня жить — говорить о «нации» как об исторически постоянном явлении? Пока что одни вопросы, к тому же такие, на которые нет однозначного ответа. И все же, кое-что кажется интересным, а именно: мы в Польше думаем о «польскости» интенсивней и чаще, чем испанцы об «испанскости» или шведы о «шведскости». Причин, конечно, много, но одной из наиболее важных остается то, что как раз тогда, когда в Европе начали формироваться идеи национальных государств, польский народ был лишен политической экзистенции. Так что, если «французскость» развивалась свободно, ощущая себя сильной и не подверженной угрозам сущностью, так же, как с самого начала вела себя «английскость», то «польскость» была вовлечена — именно тогда, когда должна была становиться «польскостью» в современном смысле — в диалектику несвободы и страха за собственное существование. Можно рискнуть заявить, что — за исключением

перерыва на межвоенную суверенность — «польскость» пробила к независимости лишь после 1989 года. Но, пробившись к ней, она все еще не сумела — а возможно, вообще не может — отбросить балласт формы, в которой она была заточена в рабство. Здесь мало помогают призывы — прямо артикулируемые Марией Янион — отбросить «романтическую парадигму», во всяком случае, так ее преобразовать, что «сам романтизм изменит свой способ существования»^{М. Janion, Projekt krytyki fantazmatycznej. Szkice o egzystencjach ludzi i duchów, Warszawa 1991, s. 6.} На вопрос о собственной идентичности — ведь, в конце концов, можно и так трактовать вопрос о «польскости» — нет единого и неизменного ответа. Более того, этих ответов много, и их формируют самые разнообразные факторы. По-своему определяет свою «польскость» тот, кто демонстрирует ее в Америке, по-своему тот, кто живет в Казахстане, еще иначе определяют ее люди, остающиеся на родине. Но и в исторической перспективе «польскость» изменяется, ей постоянно находят новые определения, новые интерпретации.

Имеет смысл дополнить два понятия — отчизны и чужбины — еще одним, которое только на первый взгляд является неологизмом, возникшим в пространстве литературных игр: «сынчизны»^{Понятие, введенное В.Гомбровичем} в романе «Транс-Атлантик» и символизирующее молодость, смелость, свободу, устремленность в будущее — *Примеч. перев.*

Гомбровича. «Сынчизна» кажется здесь попыткой расправиться с «неудобным наследством» нашей литературы, о котором пишет Лидия Бурская^{Лидия Бурская (1956-2008) — польский литературный критик, историк литературы, эссеист —}

Примеч. перев. . Достойным внимания выглядит отношение исследовательницы к трилогии Сенкевича, в которой, правда, как она пишет, «романтизм “низко пал”», но, в то же время, ей трудно дать однозначную оценку: «Так была ли «Трилогия» спасительной для “души народа” педагогикой? Не знаю. На одну чашу весов я кладу сердитые и справедливо критические голоса Бжозовского, Гомбровича и тех, кто отождествлял польскость с иными ценностями, нежели Сенкевич. На другую — несколько поколений поляков, которые поднимались на призыв «Трилогии», чтобы воплотить наяву ее сон о Безгрешной либо умереть»^{«Сон о Безгрешной» — знаменитый спектакль Ежи Яроцкого (на основе текстов С. Жеромского) о становлении независимой Польши в краковском Старом театре —}

Примеч. перев. . Что касается второго вопроса — можно добавить — свидетельством могло бы послужить количество почерпнутых из трилогии псевдонимов, использовавшихся в подполье. Однако вопрос, конечно, намного серьезнее. Спор о Сенкевиче, вызванный очерком автора «Фердидурки», имеет неоценимое значение, так как ставит вопрос о поляках как субъектах истории.

«Сынчизна», которую защищает Гомбрович от отчизны (не выступает против, но защищает от!), должна создавать пространство индивидуальной свободы, индивидуального «хочу». Польскость здесь — дело свободного выбора, а не коллективного наследия. Ты сам определяешь ее форму и сам несешь за нее ответственность. Это проект польскости, свободной от комплексов, но свободной и от навязанных традицией обязанностей, от «неудобного наследства». Он писал в «Дневнике»: «Отчасти я чувствую себя Моисеем [...]. Сто лет тому назад литовский поэт выковал форму польского духа, сегодня я, как Моисей, вывожу поляков из рабства этой формы, вывожу поляка из него самого». Весьма проникательно интерпретирует позицию Гомбровича Марта Пивинская, утверждая, что он выводит поляка — а единственное число здесь имеет основополагающее значение — «из “польской формы”, из того “отцовско-отечественного”, что является метаязыком этой культуры»^{Marta Piwińska, Legenda romantyczna i szydery, Warszawa 1973, s. 336.}

Это означает, конечно, попытку сформировать новый метаязык или — что, наверное, точнее — новые индивидуальные метаязыки. Но не означает, как это иногда воспринимается, отказа от самого языка «польскости», того, что составляет ее текстуальность, телесность. Однако этот комплекс вопросов довольно трудно перевести на язык социальной практики, в особенности, политики. Это пробует сделать Анджей Менцвель, интерпретируя написанное Густавом Герлингом-Грудзинским предисловие к «Книгам польского народа и польского паломничества», и тем самым стремясь очертить основные идеи создателей парижской «Культуры»: «Мицкевич здесь должен [...] быть “преодолен и обновлен”, а романтизм отдалается и принимается очищенным. То, что следует принять — не проявление жертвенного страдания, а представление об исторической задаче. Коррелятом этой задачи становится не мистическое свойство нации, а “идея польского государства”. Эта идея, в свою очередь, должна переплестись с современными ценностями — солидарностью народов, социализацией нации, эмансипацией индивидов. Поэтому “польская психика” должна быть перестроена, а решение “польской дилеммы действия и слова” перевернуто. Знаменитая максима Норвида о действиях, всегда у нас преждевременных, и книгах, всегда опаздывающих, неоднократно потом повторенная и перефразированная в «Культуре», появляется здесь впервые»^{Andrzej Mencwel, Przedwiośnie czy potop. Studium postaw polskich w XX wieku, Warszawa 1997, s. 279.}

В сущности, речь идет о достаточно очевидной операции, хотя и затрудненной тем, что в своей истории Польша не имеет опыта просвещенного абсолютизма: речь о гражданизации «польскости», освобождении ее от оков национальной мистики — тем более что, вследствие известной судьбы, она была отмечена клеймом мессианизма, а это привело к замене мышления в социальных категориях мышлением в категориях национальных.

В настоящее время, возможно, больше, чем когда-либо за последние десятилетия, можно наблюдать столкновение двух концепций — или моделей — «польскости». Первая, сильно подчеркивающая такие

категории, как национальность и сообщество, сводит традицию к провозглашаемым ex cathedra образцам, в крайних случаях — защищая свое представление о «польскости» — чувствует за собой право устанавливать, кто является поляком, а кто этого наименования не заслуживает, причем бывает, пусть и не как правило, что в расчет принимаются этнические соображения. В этой концепции поляком — но и «чужим» тоже — становятся по назначению. Вторая, скорее, стремится выдвинуть на передний план такие категории, как общество и личность, принципиально оставляя вопросы этнического происхождения в частной сфере и не связывая их с общественной жизнью, а понимание «польскости» предоставляет свободно интерпретировать гражданам, либо людям за границей, признающим свои польские корни. Первая создает закрытый канон текстов, конституирующих ее понимание «польскости», вторая открыта для внесения в нее новых текстов, часто реинтерпретирующих культурное ощущение идентичности.

Столкновение этих двух концепций имеет некую практическую сторону — в попытках жестких установок для польской «исторической политики» или в составлении канона книг для школьной программы. Согласно первой, «польскость» представляет собой ценность, находящуюся под угрозой, которая в то же время недооценивается в мире. Согласно второй — «польскость» это просто динамичный и открытый для меняющихся ситуаций, для новых контекстов процесс формирования польской культурной и цивилизационной идентичности. Это столкновение не должно обязательно восприниматься, как война «темнограда»^{Темноград — воплощение суеверий, темноты и мракобесия из романа-памфлета Ст.К. Потоцкого «Путешествие в Темноград» — Примеч. перев.} со «светлоградом». Я, скорее, усмотрел бы источники такого столкновения в отсутствии метаязыка, способного описать происходящие процессы.

«Польскость», так или иначе, останется историческим явлением даже тогда, когда поляков и их языка, так же как римлян и латыни, не будет в живых. Нужно ли эти категории обязательно связывать с понятием нации? Не знаю. Идею написания книг на польском языке мы переняли с гнусного Запада, писать на национальном языке мы начали позже, чем наши восточные, не из латинского сообщества выраставшие соседи. О собственной латиноязычной литературе у нас довольно среднее, если не просто слабое, представление, и возможно, зря, потому что здесь было немало фигур, пользующихся международной известностью. В истории европейской культуры наш литературный язык, как и большинство других — в исторических категориях — относительно молод. Понятие нации в нынешнем понимании относительно ново и, определенно, принадлежит к преходящим явлениям. Когда я думаю о том, чем является понятие «польскости» лично для меня, то ощущаю — когда мне нужно публично высказаться на эту тему — какое-то трудно выразимое стеснение, так как считаю этот вопрос слишком интимным.

Однако, с другой стороны, я убежден, что сегодня мы стоим перед каким-то кризисом, возможно, переломом в том, как мы ощущаем и выражаем «польскость». Меня не удивляет название стихотворения «Ашьлоп»^{«Ашьлоп» (польск. Akslop) – стихотворение Милоша Беджицкого — Примеч. перев.}, то есть прочитанное наоборот слово «Польша» — это нечто большее, чем просто поэтическая демонстрация. Мне не было стыдно, когда я во время военного положения писал «патриотические» стихи, однако помню, что у меня возникало ощущение участия в каком-то спектакле, в котором я играю роль, предписанную мне анонимной «польскостью», и из-за этого я чувствовал себя, в каком-то смысле — в каком? — униженным: я мирился с этим и в то же время не мог смириться. Я нервно реагировал на эссе Чеслава Милоша «Увы! — благородство»^{Доклад Ч. Милоша на конференции в Йельском университете в 1984 году, в котором автор критически отзываясь о непосредственном участии поэта в «событиях» — Примеч. перев.}, но одновременно сознавал, что да, что во многом это верно. «Польскость» — как бы я ее ни понимал — анонимной быть не может. А если так, значит, этих «польскостей» много.

1: Умеренный электорат «Права и Справедливости»

О том, что Ярослав Качинский «пойдет на обострение», то есть будет проводить изменения в государстве радикально и даже жестко, в кругах ПиС рассуждали еще за несколько месяцев до выборов — среди заслуженных партийцев лидер говорил открыто. Однако причиной успеха кампании ПиС стало то, что на этот раз удалось максимально затушевать политический темперамент Качинского, благодаря чему впервые за много лет за партию проголосовал умеренный электорат.

Сегодня часть этих умеренных избирателей трет глаза от удивления, наблюдая за действиями ПиС после прихода к власти: ограничение роли оппозиции в Сейме, война с Конституционным судом, молниеносный захват государственных СМИ, ликвидация гражданской службы^{Гражданская служба — часть государственного аппарата, не зависящая от перехода власти к другой партии и обеспечивающая непрерывность функционирования аппарата — Здесь и далее примеч. перев.} или планы по надзору за интернетом.

Лидер ПиС не считает необходимым объяснять свои действия, он редко высказывается, поглощенный ролью строгой акушерки «перемен к лучшему»^{«Перемены к лучшему» — лозунг ПиС во время президентских выборов 2015 года.}.

Но анализ его публичных выступлений за последние годы показывает, в каком направлении он хочет повести страну. Эти выводы тем более достоверны, что часть деклараций либо уже реализована, либо как раз внедряется в жизнь.

Смоленская линия

Нынешний Ярослав Качинский со своим представлением о государстве появился на свет после смоленской катастрофы и вызванных ею досрочных президентских выборов летом 2010 года. Конечно, частично свои политические взгляды — взять хотя бы критику посткоммунизма — он высказывал с начала 90-х годов, когда началась его политическая деятельность. Предвестие нынешних действий ПиС можно найти и в неудачной попытке строительства Четвертой Речи Посполитой в 2005-2007 годах.

Но лишь после потери брата и поражения на президентских выборах, выигранных тогда Брониславом Коморовским, Качинский объявил настоящую войну Третьей Речи Посполитой и ее институтам. Он начал ее через несколько недель после проигрыша, дав эмоциональное интервью «Газете польской». В нем он с ужасными подробностями рассказал о своей поездке на место катастрофы и опознании тела брата.

Этим интервью он обозначил новую линию политического разделения и указал своему электорату направление на следующие годы: «Я сделаю все, чтобы выяснить причины катастрофы. Сегодня для меня это самое важное и в личном, и в политическом плане. Мне была неясна роль премьера Туска и премьера Путина в этом происшествии. По моей оценке, оба они отнеслись к визиту президента Леха Качинского без должного уважения и внимания. Пока я не буду развивать эту мысль».

Однако уже вскоре он развил ее на страницах «Ньюсуика». В сентябре 2010 г. он говорил о причинах катастрофы в таком духе, который до сих пор является линией ПиС: «Очевидно, что пилотов ввели в заблуждение. Удар крылом в дерево не имел принципиального значения для катастрофы. Либо не сработало оборудование, либо это была форма покушения».

С этого момента все высказывания Качинского сосредоточены вокруг покушения и недосмотров команды Дональда Туска при организации визита президента. Такими будут в ближайшее время и действия ПиС. Уже известно, что появится новая комиссия, которая займется катастрофой, а в рамках нового следствия под лупой прокуратуры окажутся ведущие политики Гражданской платформы «Гражданская платформа» — партия, находившаяся у власти в Польше с 2007 по 2015 год, включая ее бывшего лидера.

А когда закончится смоленский траур и связанные с ним ежемесячные митинги? «Когда в Варшаве будет стоять памятник жертвам катастрофы, прежде всего президенту и его супруге» (2011).

Суды, спецслужбы, СМИ

В политической мысли Качинского существует триада ключевых, с государственной точки зрения, институтов: правосудие, СМИ и карательные органы, в том числе спецслужбы. Поэтому ничего удивительного, что в первую очередь Качинский приступил к «переменам к лучшему» именно в этих сферах.

Качинский о службах: «В органах работают люди истэблишмента, часто из старой системы. Мы хотим, чтобы службы состояли из людей, которые служили только свободной Польше» (2011).

Качинский о прокуратуре: «Необходимы огромные изменения (...), она должна возвратиться к своему прежнему виду. Нужно изменить недавно введенные правила, которые позволяют преступникам торговаться за меру наказания» (2015).

Качинский о СМИ: «Следует разделить телевидение на канал, дающий голос тем, кто одобряет нынешнюю власть, и такой, в котором преимущественный голос имеет оппозиция» (2012); «Теперь большинство СМИ находятся в одних руках. Это должно измениться как можно скорее» (2014).

Спецслужбы уже полностью вычищены и захвачены людьми ПиС. Государственные СМИ партия присвоит на основании закона, который ожидает лишь подписи президента — хотя не слышно, чтобы Качинский хотел отдать один канал оппозиции.

То же самое будет и с прокуратурой, которая со дня на день перейдет в подчинение правительства, и «торгам за меру наказания с преступниками» — как Качинский определяет т.н. состязательность, то есть сведение обязанностей судьи к роли арбитра между адвокатом и прокурором — будет положен конец.

Фундаментальным изменением станет переустройство судопроизводства, прелюдией которого является война Качинского с Конституционным судом (КС). «Считаю, что положение Суда должно измениться. Не может быть такого, чтобы решение, демократически принятое парламентом, могло быть отклонено обычным большинством состава КС из пяти человек. Тогда один судья решает, отправится ли в мусорную корзину решение органа, избранного миллионами. Так быть не может» — 2013 г.

Лидер ПиС помещает суды на самую вершину пирамиды государственной патологии. Он прямо-таки убеждает, что сегодня государство не действует в общественных интересах, а является объединением корпораций во главе с судами, которые «не считаются с чувством справедливости». «Нет в мире института, который бы хорошо работал без всякого контроля. А так сегодня действуют польские суды. Мы хотим это изменить», — декларировал он в 2014 году.

Анализ высказываний Качинского указывает на то, что Смоленск усилил в нем убеждение, будто в Польше

государственные институты не действуют, действуют не так, либо наполнены не теми людьми. «Смоленская трагедия — это горький финал Третьей РП», — говорил он осенью 2010 года.

С этой точки зрения совершенно естественно, что ПиС хочет отправить сотрудников гражданской службы на все четыре стороны и заменить их своими людьми. Подход Качинского прост и его хорошо отражает цитата из интервью газете «Жечпосполита» 2013 года: «Не все они будут гениями, не все будут отличаться необыкновенными способностями, но все они будут дисциплинированными, честными и все будут знать, чего хотят», — говорил он о своем типе управленцев.

Прибежище людей из старой системы

Ярослав Качинский — политический идеолог, он не разбирается в экономике, здравоохранении или образовании. Но именно он отвечает за идеологическую основу, на которой отраслевые министры должны создавать программу для правительства ПиС.

Налоги? «Мы планируем налоговую реформу, которая должна улучшить финансовое положение страны. Мы хотим изыскать средства из необлагаемых налогами сфер, введем, например, налог для банков и супермаркетов» (2011). «Вся система государственных финансов прописана у нас заново в готовых законопроектах» (2013). Образование? Помимо ликвидации гимназий и отказа от реформы, связанной с началом школьного образования с шести лет, должен также возобладать «порядок, школьная форма, большее внимание к истории и польскому языку» (2010).

Строительство? «Мы хотим вернуться к программе, подготовленной министром строительства при нашем правлении. Это программа, которая сильно бьет по девелоперскому лобби, но дает людям надежду на собственное жилье» (2014).

Здравоохранение? «Ситуация улучшится уже за счет самого ограничения грабежа в неслыханных масштабах. Нужно отвергнуть систему, основанную на коммерциализации больниц; передать врачам первого контакта право направлять на обследования, вернуть в школы медицинские кабинеты, перестроить финансовую систему, связанную с Национальным фондом здравоохранения^{Национальный фонд здравоохранения — государственный орган, выполняющий в польской системе здравоохранения роль плательщика. Из средств медицинского страхования Фонд финансирует медицинские услуги и компенсирует стоимость лекарств.}» (2014).

Бизнес? «Механизм отрицательной селекции, характерный для коммунизма, перенесен в бизнес. Именно бизнес представлял и, к сожалению, во многих случаях по-прежнему представляет собой прибежище для людей из старой системы. Этот процесс необходимо развернуть» (2013).

Зарботная плата? «С помощью государства следует поднять заработную плату, так как она занижена. В Польше существует проблема, описываемая аналогией шляхетского фольварка: есть предприниматели, совершенно не вносящие инноваций и живущие за счет эксплуатации работников, словно крепостных крестьян» (2013).

Чистый посткоммунизм

Все эти перемены означают полное переустройство государства и имеют один общий знаменатель — это демонтаж Третьей Речи Посполитой, государства, которое Качинский считает Республикой Михника. Действительно ли Адам Михник, главный редактор «Газеты выборчей», обладал в Третьей РП ролью политического демиурга — это другой вопрос. В кругах ПиС эту фигуру рассматривают именно так — как создателя и неформального патрона Третьей РП с ее политической, экономической и социальной системой.

Когда-то польской политикой из гроба руководила мысль Пилсудского^{Юзеф Пилсудский (1867–1935) — польский государственный и политический деятель, первый глава возрожденного польского государства.} и Дмовского^{Роман Дмовский (1864–1939) — польский политический деятель и публицист, политический противник Ю. Пилсудского.}, а теперь Польша Качинского борется с Польшей Михника.

В 2013 году Качинский сказал в «Жечпосполитой» слова, которые сегодня, когда он при власти, без сомнения являются его главным девизом: «Мы хотим иметь конституционное большинство, чтобы иметь возможность перестроить государство. Если наши партнеры по коалиции решат, что стоит предпринять совместные усилия, то мы захотим пойти очень далеко. Если такой воли не будет, то конституция создает определенные рамки, через которые нельзя переступить. Но я убежден, что даже законодательным путем или через действия на более низком уровне можно сделать много хорошего. Нынешняя конституция, на самом деле, плоха. Вступив в силу в 1997 г., она закрепила чистый посткоммунизм. Польский государственный аппарат не был выстроен заново, он является мутацией коммунистического аппарата».

Ярослав Качинский отдает себе отчет в том, что перед ним последний шанс изменить это. Разрушить Польшу Михника и построить государство по-новому, согласно собственной рецептуре.

2: Хроника (некоторых) текущих событий

- «Мы должны идти своим путем и не поддаваться ничьему давлению. Польша — это суверенная страна. Устав ООН и договор о Европейском союзе составляют правовую основу нашей жизни, и мы должны неукоснительно придерживаться этих норм. Не нужно строить иллюзий, что здесь возможны какие-либо уступки, что на этом пути мы дадим слабину. (...) В Польше нет ни малейшей угрозы демократии. (...) Те, кто нынче входит в Комитет защиты демократии, защищает не Польшу, а интересы вполне конкретной группы лиц, которая, после восьми лет пребывания у власти, сегодня действительно может чувствовать себя в опасности», — Ярослав Качинский, председатель партии «Право и справедливость». («Жечпосполита», 18 янв.)
- «“Есть много аргументов в пользу того, чтобы задействовать правовой механизм ЕС и поставить Польшу под соответствующий надзор”, — заявил европейский комиссар по цифровой экономике и обществу Гюнтер Эттингер в интервью газете “Франкфуртер альгемайне цайтунг”. (Анна Амброзьяк, «Наш дзенник», 11 янв.)
- «Вчерашнее решение Брюсселя стало неожиданностью для «Прав и справедливости». (...) Европейская комиссия все-таки возбудила процедуру, связанную с оценкой ситуации в Польше. “Оценка ситуации — это хороший повод не судить о Польше на основании сплетен и материалов в СМИ”, — полагает премьер-министр Беата Шидло. (...) За проведение разбирательства в отношении Польши будет отвечать вице-председатель Европейской комиссии. Тот самый, который — как всего несколько дней назад заявил министр иностранных дел Витольд Ващиковский — не рассматривается польским правительством в качестве равного собеседника». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 14 янв.)
- «Непосредственным поводом для возбуждения этой процедуры стал факт неисполнения «иными органами власти» двух решений Конституционного суда (КС), касающихся новых судей КС. В этой связи Европейская комиссия считает, что соблюдение законности в Польше находится под большим вопросом». (Из Брюсселя Анна Словеская, «Жечпосполита», 11 янв.)
- «После Конституционного суда законодатели взялись за полицию и средства массовой информации, а сейчас на рассмотрении депутатов находится закон о прокуратуре, делающий ее марионеткой в руках министра юстиции Збигнева Зебро. Бесконечная серия скандальных законопроектов вынудила Европейскую комиссию принять решение о запуске невыгодной для Польши процедуры. Безусловно, такая реакция комиссии была дополнительно спровоцирована стилистикой и содержанием ответной реакции польских политиков. (...) В странах либеральной демократии важнейшее значение имеют государственные и общественные институты, правила игры, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Этими принципами и руководствовалась Европейская комиссия. Польша нарушила правила игры, в результате чего стала объектом правового мониторинга», — Рышард Петру, лидер партии «Современная». («Газета wyborcza», 18 янв.)
- «В Сейме продолжаются дебаты о конфликте нашей страны с Евросоюзом. Народные избранники только что большинством голосов решили, что все остальные страны ЕС заблуждаются, и настоящая свобода царит у нас, а не у них. Мы выбрали замечательных депутатов, которые хотят нам только добра», — Збигнев Холдыс. («Ньюсуик Польска», 18-24 янв.)
- «Президент Анджей Дуда прибыл в Брюссель с первым официальным визитом. (...) В ходе визита президент убеждал своих собеседников, что в Польше не происходит ничего чрезвычайного, и заверял их в неизменности проевропейского курса Польши. (...) Анджей Дуда также встретился с генеральным секретарем НАТО Йенсом Столтенбергом. (...) Столтенберг затронул тему событий в Польше. “Саммит НАТО, который пройдет в Варшаве, должен продемонстрировать, что мы, как и раньше, твердо отстаиваем наши ценности: демократию, права и свободы личности, верховенство закона. Это фундамент нашей свободы”, — заявил Столтенберг. (Из Брюсселя Анна Словеская, «Жечпосполита», 19 янв.)
- «Дискуссия о Польше (на тему «Правовое государство и ограничение свободы слова в Польше» — В.К.) состоялась в Европейском парламенте в Страсбурге. Мероприятие было организовано по предложению левых и либеральных сил, обеспокоенных тем, что сформированное «Правом и справедливостью» правительство пытается ослабить позиции Конституционного суда и поставить под свой контроль общественные СМИ». (Из Брюсселя Анна Словеская, «Жечпосполита», 20 янв.)
- Фрагменты выступления премьер-министра Беаты Шидло в Европейском парламенте: «Мы хотим построить Польшу по образу Евросоюза. Это будет страна равных возможностей. И мы хотим, чтобы на этом пути равных возможностей Польша развивалась все быстрее. (...) Партия «Право и справедливость» никогда не хотела подчинить себе Конституционный суд — более того, мы даже не собирались бороться за большинство в нем. Мы только хотели обеспечить должное равновесие состава судей. (...) Одобренные парламентским большинством изменения, касающиеся общественных СМИ, никак не нарушают европейских стандартов, регулирующих деятельность масс-медиа. Скажу больше — принятые нами поправки являются своего рода попыткой вернуть польским общественным СМИ их изначальную аполитичность и беспристрастность. (...) Мы хотим вместе со всеми парламентскими фракциями, как оппозиционными, так и поддерживающими нынешнее правительство Польши, работать над переменами к лучшему. Мы открыты к диалогу, к тому, чтобы вместе решать имеющиеся в Польше проблемы. (...) Польша — чудесная страна, а поляки — народ с огромным чувством собственного достоинства. Мы хотим быть чемпионами Евросоюза». («Наш дзенник», 21 янв.)
- Фрагменты интервью премьер-министра Беаты Шидло польской прессе: «Европейская комиссия не должна заниматься нашими внутренними решениями и делами. (...) У Европейской комиссии нет возможности

применять санкции. Ходят слухи, что ЕС может урезать нам финансирование. Я думаю, что нам хотят просто погрозить пальцем и продемонстрировать, что страны Евросоюза, пытающиеся проводить реформы, которые не нравятся большинству лоббистских групп и кругов, должны знать свое место. (...) Но мы не отступим и не откажемся от наших планов по улучшению жизни в Польше. (...) Оценивать нас должны польские избиратели, а не страны Западной Европы, преследующие свои интересы. (...) Некоторые судачат, что, мол, раньше наша страна среди государств ЕС находилась в первой шестерке, а теперь, после решения Европейской комиссии, мы оказались в самом хвосте. (...) У нас есть лидерские амбиции, поэтому мы не можем позволить навязать нам роль страны, которая бездумно соглашается с теми, кто заказывает музыку». («До жечи», 18-24 янв.)

- «Центральным эпизодом прошедших в Европейском парламенте дебатов о Польше стал отказ премьер-министра Беаты Шидло — в ответ на вопрос лидера европейских либералов Ги Верхофстадта — подтвердить, что Польша прислушается к рекомендациям Венецианской комиссии относительно ситуации с Конституционным судом. Беата Шидло ответила, что мнение этой комиссии будет «очень внимательно рассмотрено». (...) Венецианская комиссия является консультативным органом при Совете Европы, независимым от ЕС. Тем не менее, в соответствии с законодательством Евросоюза, точка зрения комиссии должна приниматься во внимание в ходе «процедуры мониторинга законности», которую Европейская комиссия начала проводить в отношении Польши на прошлой неделе (мнение Венецианской комиссии будет сформулировано в марте — В.К.)». (Из Страсбурга Томаш Белецкий, «Газета wyborcza», 21 янв.)

- «Победу Беаты Шидло на дебатах в Европарламенте омрачает один прискорбный факт — Польшу, за редким исключением, защищали лишь европарламентарии, придерживающиеся крайне правых, одиозных, а то и просто фашистских взглядов. (...) Почти все они занимают не только антиевропейские, но и крайне прокремлевские позиции. (...) То, что правительство «Права и справедливости» нашло своих лучших друзей в ЕС среди пророссийских сил, а своим ближайшим союзником видит Виктора Орбана, не стесняющегося заигрывать с Москвой, лишь подтверждает общую тенденцию. (...) В Европе наиболее пророссийскую позицию занимают правые партии, и именно они стремятся сблизиться с Кремлем. Почему Польша в этом смысле должна быть исключением?». (Марек Мигальский, «Жечпосполита», 3 февр.)

- «Отвечая на вопросы евродепутатов в Европейском парламенте в Страсбурге 19 января, премьер-министр Беата Шидло заявила, что “Польша приняла около миллиона беженцев с Украины, которым никто не хотел помогать. Сейчас эти люди находятся у нас, и мы оказываем им помощь. Об этом тоже нужно говорить”». («Наш дзенник», 22 янв.)

- «“Госпожа премьер-министр говорила о беженцах с Украины, однако в Польше нет беженцев с Украины”, — заявил вчера посол Украины в Польше Андрей Дещица в интервью агентству “Польска агенция прасова”». («Газета wyborcza», 21 янв.)

- «“В минувшую субботу, во время Всемирного экономического форума в Давосе, вице-премьер Матеуш Моравецкий заявил: “Вы сосредоточили все свое внимание на иммигрантах из Северной Африки и Сирии, однако на границе с ЕС продолжается еще одна война — война на Украине. Польша приняла уже 350 тыс. разного рода беженцев, и это не только те, кто бежал от войны. Во всей Европе больше всего приезжих приняли мы”. Откуда вице-премьер Моравецкий взял цифру в 350 тыс. “разного рода беженцев”, неизвестно». (Мирослав Чех, «Газета wyborcza», 27 янв.)

- «Парламентская ассамблея Совета Европы не станет проводить дебаты относительно функционирования демократических институтов в Польше. Во время вчерашнего голосования за проведение дебатов высказалось 98 делегатов ПАСЕ, против — 89, а 14 воздержались. Таким образом, инициатива о проведении дебатов не была поддержана необходимыми 2/3 голосов». (Марта Зярник, «Наш дзенник», 26 янв.)

- «На февральской сессии Европарламента резолюция относительно ситуации в Польше принята не будет. Такое решение вчера приняла конференция председателей Европейского парламента. (...) Голосование по предполагаемой резолюции может состояться лишь после окончания работы Венецианской комиссии, которая должна подготовить свое заключение относительно реформы Конституционного суда. Комиссия (...) прибудет в Польшу 8-9 февраля». («Наш дзенник», 29 янв.)

- «Европейская комиссия утвердила новую программу «Польша-Белоруссия-Украина 2014-2020». (...) Приоритетами новой программы будут: ускорение экономического развития, улучшение туристической, транспортной и приграничной инфраструктуры, охрана окружающей среды, а также совершенствование общественного сознания граждан». (Катажина Дзюба-Кубицкая, «Жечпосполита», 12 янв.)

- «Согласно данным опроса, проведенного Институтом рыночных и общественных исследований, 41% поляков считает, что решения ЕС, касающиеся нашей страны, должны разрабатываться в Польше, и уже только после этого выноситься на обсуждение Евросоюза. 35% опрошенных полагают, что такие решения необходимо сначала принимать на уровне ЕС, а затем адаптировать к местным реалиям. 2% респондентов полагают, что решающее слово должно принадлежать Евросоюзу, а еще 2% не смогли определиться с ответом. Решение ЕС о проведении проверки состояния законности в Польше поддерживают 47% опрошенных, против высказываются также 47%, еще 6% респондентов ответили «Не знаю». Среди преимуществ интеграции с ЕС называют: открытые границы (73%), финансирование из фондов Евросоюза (61%), возможность обучаться за пределами Польши (47%) и повышение уровня безопасности Польши (24%). К недостаткам интеграции с Евросоюзом респонденты относят:

навязывание законодательства и нормативов ЕС (45%), неодинаковое отношение к странам-участницам (42%), отношение к полякам как к дешевой рабочей силе (40%), а также рост эмиграции (32%)». (По материалам «Жечипосполитой» от 22 февр.)

- «Мнение о Евросоюзе у поляков формируется на основе постоянных выступлений политиков по телевидению, радио и в газетах. К сожалению, зачастую эти высказывания оказываются неправдой, спровоцированной, в лучшем случае, политическим конфликтом, а в худшем — невежеством. Нам ведь нравится, что ЕС дает нам деньги, что можно ездить в другие страны Европы без паспорта, учиться за границей, но при этом мы возмущаемся, когда от нас требуют или ждут чего-то взамен. (...) И это в то время как мы, поляки, сами же и пишем европейские законы, поскольку в любой структуре Евросоюза есть наши соотечественники, начиная от чиновников Европейской комиссии и заканчивая депутатами Европарламента, а польские министры могут блокировать любые решения в Европейском совете». (Бартош Венглярчик, «Жечпосполита», 2 февр.)

- «В сегодняшней ситуации нашей важнейшей задачей является защита восточного фланга НАТО и нейтрализация той угрозы, которую для Польши и стран Запада представляет Россия. И это самый настоящий вызов. (...) В этом году мы хотим сформировать три бригады территориальной обороны в восточных районах Польши», — министр национальной обороны Антоний Мацеревиц. («До жечи», 11-17 янв.)

- «После состоявшейся на прошлой неделе встречи министра национальной обороны Антония Мацеревица с его британским коллегой Майклом Фэллоном, (...) шеф польского оборонного ведомства заявил в цитируемом «Газетой выборчей» интервью для «Радио Мария», что на территории Польши будет постоянно находиться тысяча британских военнослужащих. (...) “Министр Фэллон не брал на себя каких-либо обязательств относительно постоянной дислокации британских вооруженных сил в Польше ни в этом году, ни в будущем”, — прокомментировало британское министерство обороны». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 28 янв.)

- «Министр иностранных дел Витольд Вашиковский в понедельник вызвал на беседу посла ФРГ в Варшаве Рольфа Никеля в связи с “антипольскими высказываниями немецких политиков”, сообщила пресс-служба польского МИДа». («Трибуна», 11-12 янв.)

- «МИД сообщает: на прошлой неделе в 26 наиболее авторитетных и влиятельных изданиях появилась статья Витольда Вашиковского «Какой Евросоюз нужен Польше?». Статья была опубликована, в частности, в Германии, Италии, Франции, Великобритании, Чехии, Швеции, Австрии, Украине, Испании и Австралии. (...) Это беспрецедентный успех Польши в области медийной дипломатии». Далее следует исчерпывающий перечень всех стран и всех средств массовой информации, где был опубликован сенсационный материал министра Вашиковского. В этом перечне, однако, нет Польши, равно как и ни одной польской газеты, где можно было бы найти эту статью — В.К. («Наш дзенник», 1 февр.)

- «Фрагменты интервью с министром иностранных дел Витольдом Вашиковским, снабженного заголовком “Нам нужен Евросоюз, но другой”: “Я не хочу ни «социалистической демократии», как в ПНР, ни «суверенной демократии», как в России, ни «либеральной демократии», выстраиваемой «сверху» брюссельской элитой. Я просто хочу демократии. И этого же хотят поляки. (...) Нас убеждали, что мы должны любой ценой держаться генеральной европейской линии, что сотрудничество с Германией все больше сближает нас с ядром ЕС. Но на проверку это оказалось фальшивкой. (...) Евросоюз должен в первую очередь беспокоиться об экономическом, а не военно-политическом развитии. А безопасностью пусть занимается НАТО». («В сети», 11-17 янв.)

- «Правительство Польши проводит политику, направленную на конфронтацию с Германией и ЕС. По сути, оно борется с двумя нашими важнейшими союзниками в Европе, каковыми до недавнего времени были Ангела Меркель и Европейская комиссия. Именно Европейская комиссия активно поддерживала нас в ситуации с «Северным потоком», а Ангела Меркель была нашим союзником по вопросу санкций в отношении России. (...) Мы наглядно демонстрируем всей Европе, что Польша по-прежнему остается страной, неспособной (...) распрощаться с застарелым национализмом, и поэтому не может уступить малую толику своего суверенитета в пользу наднационального организма, гарантирующего нам безопасность и успешное развитие. (...) А дестабилизация Ярославом Качинским отношений с Брюсселем и ослабление страны в результате отказа от принципов либеральной демократии более всего выгодны Владимиру Путину. (...) Когда ЕС решится на дальнейшее углубление интеграции, Польша может оказаться вне игры, вместе со всем регионом став жертвой политико-экономических разделов. Удастся ли Евросоюзу предотвратить такое развитие событий, или он допустит новый раздел Европы, и мы вновь окажемся за “железным занавесом”?», — Славомир Сераковский. («Политика», 27 янв. — 2 февр.)

- «Наша политика в отношении России зиждется на том, что мы не рассматриваем Россию как врага, но лишь как соседа. (...) В своих соседях Польша видит не абстрактную сферу влияния, а конкретные страны, которые, если им это нужно, могут рассчитывать на нашу всемерную поддержку и доброе отношение. Это касается и России, которая также может рассчитывать на поддержку со стороны Польши. (...) Россияне чувствуют себя в Польше очень комфортно, и это лучше всего демонстрирует, какими могли бы быть наши политические отношения, независимо от того, что мы подчас читаем в СМИ или слышим от некоторых безответственных политиков», — министр иностранных дел Польши Витольд Вашиковский. («Наш дзенник», 22 янв.)

- Фрагменты интервью с послом России в Варшаве Сергеем Андреевым: «Наши польские коллеги сообщили, что замминистра иностранных дел Марек Зюлковский хотел бы приехать в Москву. (...) Мы сотрудничаем с

избранными органами власти законным путем, и не видим в наших отношениях неразрешимых проблем. (...) Сегодня и завтра на уровне заместителей министров будут проводиться консультации по вопросу международных автотранспортных грузоперевозок. Польский министр охраны окружающей среды, в свою очередь, пригласил советника президента Путина на конференцию, посвященную роли лесов в борьбе с глобальным потеплением, и это приглашение было принято. В среду в Польшу прибывает наш министр культуры Владимир Мединский, являющийся также главой Российского военно-исторического общества. В Международный день памяти жертв Холокоста он посетит бывший «лагерь смерти» в Собиборе (где было убито около 250 тыс. евреев из многих стран Европы — В.К.). (...) В Собиборе появится новый музей, и польская сторона пригласила нас принять участие в его создании. (...) В мае в России пройдет фестиваль польского кино «Висла», а в ноябре в Польше состоится фестиваль российского кино «Спутник». (...) Мы не привыкли ревностно следить за состоянием демократии в других странах, а тем более вмешиваться в их внутренние дела». («Жечпосполита», 22 янв.)

• Фрагменты интервью с министром культуры России Владимиром Мединским: «Собибор — это один из самых классических примеров общей боли, общего страдания наших народов. (...) Но это еще и пример беспрецедентной совместной борьбы с нацизмом. Польский еврей Леон Фельдгендлер в этих невыносимых условиях организовал сопротивление, а россиянин Александр Печерский (офицер Красной армии, российский еврей — В.К.) в течение трех месяцев готовил вооруженное восстание узников, и из всех восстаний в концлагерях оно оказалось единственным удавшимся. (...) В восемь утра я поехал в Собибор, и только вечером прибыл в Варшаву, чтобы утром вернуться в Москву. И если польский министр культуры приедет сюда (в варшавскую гостиницу, где происходит беседа — ред.), то я с удовольствием выпью с ним кофе». («Жечпосполита», 29 янв.)

• «Еще до последнего по времени эпизода конфликта Качинского с ЕС (...) российский политолог Иван Преображенский написал на страницах московской газеты «Ведомости», что «поляки вернулись на восток». (...) Для российских демократов возвращение Польши на восток является грустной новостью. (...) Ярослав Качинский за восемь лет пребывания в оппозиции немало потрудился, чтобы в глазах поляков представить Евросоюз как угрозу польским традициям, религиозности, экономике, суверенитету. Дискредитация положительного образа ЕС, успевшего укорениться в сознании поляков, была необходима, чтобы освободить Качинского, Мацеревича и Зёбро от смиренной рубашки Евросоюза. (...) Нынешняя власть взяла курс на обострение отношений с ЕС — впереди нас ждет многомесячный конфликт с Европейской комиссией, которая до недавнего времени была самым главным сторонником Польши в европейской политике, ее естественным союзником. (...) Комиссия защищала интересы Польши при рассмотрении бюджета ЕС, нам также необходима ее поддержка по вопросам санкций в отношении России и контактов между зоной евро и странами, в нее не входящими». (Цезарий Михальский, Петр Хатковский, «Ньюсуик Польша», 18-24 янв.)

• «Координатор Госдепартамента США по санкциям и бывший американский посол в Польше (...) Дэниел Фрид прибыли в Польшу накануне первых после долгого перерыва польско-российских консультаций, которые завтра проведет в Москве заместитель главы польского МИДа Марек Зюлковский. В последнее время тон московских СМИ в отношении нынешнего правительства Польши стал более дружественным, а замминистра иностранных дел РФ Владимир Титов заявил, что Россия «готова положительно отреагировать на сигналы со стороны польских властей относительно наших двусторонних отношений». Он также добавил, что инициатива проведения консультаций исходила из Варшавы». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 21 янв.)

• «Во время пятничной встречи представителей французского министерства обороны с польскими журналистами французы подчеркнули, что проведение тендера на поставку вертолетов для польских вооруженных сил может иметь важное значение для отношений Польши и Франции. Нам напомнили, что после российской аннексии Крыма Франция направила своих военных на восток Европы, в частности, в Польшу, а также отказалась от поставок России десантных кораблей типа «Мистраль», сделав это, в частности, по просьбе президента Коморовского. Тендер на поставку вертолетов стал одной из основных тем состоявшейся во вторник встречи глав оборонных ведомств обеих стран — Жан-Ив Ле Дриана и Антония Мацеревича. Атмосфера на встрече была более чем сдержанной, разговор шел с глазу на глаз». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 6-7 фев.)

• «Министр иностранных дел Витольд Вашиковский планирует открыть дипломатические представительства Польши в Эквадоре, (...) Замбии, а также на Филиппинах. (...) Наши дипломаты также собираются вернуться в Панаму, Сенегал, Танзанию и Монголию». («Политика», 3-9 фев.)

• «На самом деле в Польше два правительства. Правительством, занимающимся политикой, руководит Ярослав Качинский, а за работу социально-экономического блока отвечает Беата Шидло. В первое правительство входят министры, которые по заданию Качинского демонтируют Третью Речь Посполитую: Антоний Мацеревич, Збигнев Зёбро, Мариуш Каминский, периодически к ним присоединяется Петр Глинский. А команда Шидло решает вопросы, связанные с пенсионным возрастом, пособием в размере 500 злотых на ребенка, повышением свободной от налогообложения суммы и прочими новшествами того же типа. Политикой же госпожа премьер-министр практически не занимается и не слишком влияет на деятельность министров, подчиняющихся непосредственно Качинскому. (...) В результате официальный премьер-министр постоянно пытается выбраться из проблематичных ситуаций, которые ей создает неофициальный глава правительства». (Анджей Станкевич,

«Жечпосполита», 13 янв.)

• «В субботу Сенат одобрил два законопроекта, реформирующих прокуратуру. Новые нормативно-правовые акты предусматривают объединение функций министра юстиции и генерального прокурора. После вступления этих законов в силу новым генеральным прокурором станет Збигнев Жэбро, нынешний министр юстиции». («Газета Польска цодзенне», 1 февр.)

• «Два недавно принятых закона — о прокуратуре и о слежке — позволяют сосредоточить в одних руках такой объем властных полномочий, каким после 1989 года в Польше не пользовался еще никто. И этим человеком стал Збигнев Жэбро. (...) Все, в чем раньше его обвиняла Комиссия конституционной ответственности, теперь получило легальное оправдание. Жэбро будет непосредственным руководителем каждого прокурора. (...) Он может приказывать полиции или спецслужбам совершить провокацию против какого-либо лица, организовать за этим лицом слежку, прослушивать его разговоры в общественных местах, отслеживать телефонные и интернет-соединения. Теперь для этого не требуется согласия суда. (...) Генеральный прокурор сможет проинформировать любое должностное или частное лицо, а также общественность о ходе и результатах следствия. (...) А для преследования неугодных прокуроров и судей в прокуратуре появится специальный отдел. (...) В нормальной ситуации следовало бы обратиться к президенту, чтобы он перед подписанием закона направил его в Конституционный суд». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 30-31 янв.)

• «Сегодня мы являемся одной из немногих европейских стран, в которых нет независимой властной структуры, контролирующей работу спецслужб. (...) Гражданину, ставшему жертвой злоупотреблений полномочиями, просто некуда будет обратиться. Отсутствие в Польше независимого механизма, контролирующего спецслужбы — это одно из главных поражений последних 25 лет», — Адам Боднар, уполномоченный по правам человека, в 2010-15 гг. был вице-президентом Хельсинкского фонда прав человека. («Тыгодник повсехный», 17 янв.)

• «Следствие, связанное с неисполнением обязанности по немедленному опубликованию решения Конституционного суда, прекращено». («Газета wyborcza», 8 янв.)

• «Дело, возбужденное по заявлению депутатов от партии «Гражданская платформа», требующих проведения проверки постановлений Сейма относительно избрания судей Конституционного суда (КС), закрыто, поскольку КС посчитал, что не располагает полномочиями для проверки таких документов. По мнению судей, данные постановления не имеют юридической силы (...) и не являются нормативно-правовыми актами, так как не фигурируют в конституции в качестве источников права, а кроме того, не устанавливают каких-либо правовых норм». («Дзенник газета правна», 12 янв.)

• «Сегодня Конституционный суд состоит из 12 судей, наделенных легальными полномочиями по отправлению правосудия. (...) Двое новых членов суда принадлежат к пятерке судей, избранных депутатами фракции «Права и справедливости» в Сейме нынешнего созыва. (...) Председатель Конституционного суда по-прежнему не допускает к вынесению решений трех судей, избранных правящей партией и приведенных к присяге президентом Анджеем Дудой, одновременно взяв под свою защиту трех судей, выбранных парламентом предыдущего созыва, присягу которых президент так и не принял». (Марек Домагальский, «Жечпосполита», 13 янв.)

• «Демонстрации в защиту «пока еще общественных» СМИ прошли в 20 городах». «В акциях протеста приняли участие жители Кракова, Гданьска, Гдыни, Сопота, Вроцлава, Лодзи, Катовице, Познани, Бельско-Бяла, Гожув-Велькопольского, Торуня, Быдгоща, Щецина, Ченстоховы, Люблина, Ополе, Кельц, Закопане, Белостока и Жешува. (...) В столице, по словам вице-мэра Варшавы Ярослава Юзвяка, на улицы вышло около 20 тыс. человек. (...) В Познани, по данным полиции, количество демонстрантов достигло 5 тысяч. (...) В первой белостокской демонстрации Комитета защиты демократии участвовало 500 человек. (...) В Кракове на акцию протеста пришли 4 тыс. человек. (...) Несколько сотен человек вышли на демонстрацию в Бельско-Бяла». (Михал Вахнецкий, Себастьян Кляузинский, «Газета wyborcza», 11 янв.)

• «Субботние манифестации Комитета защиты демократии (КЗД) показывают, что гражданский порыв, вызванный недовольством по поводу происходящих в стране «перемен к лучшему», постепенно гаснет. Манифестанты (...) теряют запал. Относительно слабая явка во многих городах, за исключением столицы, не вселяет оптимизма сторонникам протестного движения. (...) В Катовице, Гданьске, Кракове, Лодзи на улицы вышли всего несколько сотен человек. А в других городах — немногим больше. Даже варшавская демонстрация, насчитывавшая более десяти тысяч участников, не производила сильного впечатления. Если сравнить манифестации КЗД хотя бы с акцией в защиту телеканала o. Тадеуша Рыдзика «Трвам», собравшую полмиллиона человек, слабость КЗД выглядит более чем очевидной». (Яцек Низинкевич, «Жечпосполита», 13 янв.)

• «Это уже четвертая волна протестов, организованных Комитетом защиты демократии (КЗД). На этот раз к ней подключились 36 городов Польши. 16 из них под эгидой КЗД протестовало впервые, кроме того, по словам организаторов, прошло не менее полутора десятка протестных акций за границей. (...) Люди выражали свой протест в отношении действий правительства по ограничению прав и свобод граждан: нового закона о слежке, изменений уголовно-процессуальной процедуры и захвата общественных СМИ. (...) В Варшаве в акции протеста приняли участие более десяти тысяч человек. (...) В Люблине манифестация насчитывала тысячу участников, которых поджидала антиманифестация в лице 150 националистов». (Себастьян Кляузинский, «Газета wyborcza»,

11 янв.)

- «То, что происходит сейчас в Польше — это, по сути, уничтожение конституционных гарантий законности и построение авторитарного государства. (...) Польша сама перечеркивает свои достойные восхищения политические достижения последних 25 лет. (...) И все это происходит в стране, входящей в ЕС и НАТО, то есть в сообщества, объединяющие либеральные демократии. И подрыв основ такого порядка должен вызывать протест. (...) Возможно, попытки Европейского парламента и Европейской комиссии в рамках своей компетенции обсудить ситуацию в нашей стране, каким-то чудом предотвратят зловещие намерения новых хозяев Польши, ставшие для всех очевидными. (...) К сожалению, худший сценарий представляется наиболее вероятным: Польша, которая погрязла во внутренних конфликтах и испортила отношения с соседями, утратила свои бывшие позиции на международной арене, оказалась бессильна перед российской угрозой, перестала экономически развиваться и внесла раскол в ЕС. Это страна спецслужб, политически ангажированной прокуратуры, агрессивной правительственной пропаганды и бесправных журналистов, которым затыкают рты, страна, где власть поливает своих противников грязью всеми доступными ей способами. Я не удивлюсь, если этим людям придет в голову поменять конституцию, тем более, что к дискуссии все активнее подключаются церковные иерархи, которые готовы сделать из Польши страну, чья государственность крепко-накрепко повязана с религией и католической Церковью. (...) С возмущением и скорбью я наблюдаю за тем, как сводятся на нет все достижения последних десятилетий. (...) Все разваливается практически молниеносно. И я думаю, что это происходит из-за глупости некоторых политиков и значительной части нашего общества», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр и министр иностранных дел. («Польска», 15-17 янв.)
- «У нас была либеральная демократия и весь набор необходимых для ее функционирования процедур, который очень красиво выглядел на бумаге, однако значительная часть общества чувствовала себя вне этой игры. И если кто-то не находил себя в этой системе, ему говорили, что он сам в этом виноват. Ситуацию усугубляла и ущербность государства — права слабых и бедных были прописаны в законах, однако реальное право находилось на стороне сильного», — Адриан Зандберг, с 2005 г. — лидер организации «Молодые социалисты», с 2015 г. состоит в партии «Вместе», где входит в состав правления. («Тыгодник повсехны», 17 янв.)
- «“Право и справедливость” негативно относится ко всему, что большинство поляков считает успехом. Риторика ПиС такова: “Солидарность” ничего не добила, старый порядок все еще жив, Лех Валенса был агентом спецслужб, а Мазовецкий — ничтожеством, не говоря уж о Бартошевском, да и вообще, коммунисты и либералы ничем не отличаются друг от друга. Словно и не было никаких побед и достижений у свободной Польши после 1989 года. Невероятно, но ПиС, представив общественности такой образ Польши, добился определенных успехов. Правящая партия предлагает своим сторонникам собственную версию польской истории, и те слепо в нее верят; ПиС сводит счеты взаимных обид и придумывает героев для своего мифа. (...) Не стоит, однако, забывать, что когда-нибудь ПиС перестанет быть партией парламентского большинства. В историческом масштабе это всего лишь эпизод, но и его, к сожалению, будет достаточно, чтобы нанести стране серьезный урон. Политика нынешней власти ведет в тупик. Поляки с этим, конечно, справятся, но им придется заплатить большую цену за то, что они дали себя одурачить», — Норман Дэвис. («Ньюсуик Польска», 18-24 янв.)
- «“Происходит очень жесткая поляризация общества, которая затрагивает и тех, кто раньше не был активно вовлечен в общественно-политическую жизнь. (...) Этот процесс наблюдается примерно с декабря, что только подтверждается историями, которые люди рассказывают мне на исповедях. О ссорах за рождественским столом, об агрессии и преследовании на работе, об угрюмом молчании тех, с кем еще недавно удавалось найти общий язык, а теперь можно лишь поскандальить, хлопнув на прощание дверью. Тенденции, о которых я говорю, только усиливаются, углубляются, и это очень печально, а в социальном контексте — просто опасно. (...) Наша общественная дискуссия постепенно превращается в войну между тутси и хуту, и этого я боюсь больше всего, поскольку вижу, как презрение к оппоненту мешает людям увидеть собственные недостатки. (...) Мне кажется, наши политики на протяжении многих лет живут одними лишь конфликтами. (...) Речь Посполитая начинает трещать по швам. (...) Я не думаю, что мировой прогресс всегда оборачивается чем-то хорошим. (...) Над Европой сегодня собираются черные тучи. Наступают тяжелые времена и для Польши», — о. Мацей Земба, доминиканец, богослов, философ, публицист, автор многих книг. («Польска», 1 февр.)
- «Правительство ПиС поддерживают 36% опрошенных, 31% респондентов составляют его противники, а 28% участников опроса равнодушно-нейтральны. Таковы результаты январского опроса ЦИОМа. (...) Пребывание Беаты Шидло на посту премьер-министра устраивает 41% респондентов». («Жечпосполита», 21 янв.)
- «Работу Сейма положительно оценивает всего 29% поляков, опрошенных ЦИОМом. Негативно о деятельности парламента высказываются 54% респондентов. Политику президента Анджея Дуды поддерживают 47% опрошенных, критически настроены по отношению к главе государства 38%». («Жечпосполита», 20 янв.)
- «По данным опроса “Общественно-политическая активность поляков”, проведенного ЦИОМом 7-14 января, в акциях протеста, которые организует Комитет защиты демократии (КЗД), принимает участие 1% респондентов. (...) При этом деятельность КЗД поддерживают 46% опрошенных, из них 30% “скорее поддерживают”, а 16% “однозначно поддерживают”. (...) О своем участии в манифестациях в поддержку политики нынешних властей заявляет 1% респондентов. Одобряют деятельность правительства 42%, (...) из них 31% “скорее поддерживают”, а 11% “однозначно поддерживают”». («Газета wyborcza», 9 февр.)

- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 32%, «Современная» — 28%, «Гражданская платформа» — 14%, Коалиция левых сил — 5%, Кукиз'15 — 5%, крестьянская партия ПСЛ — 5%, КОРВиН («Коалиция обновления Республики — Вольность и Надежда») — 5%, «Вместе» — 2%. Избирательный порог составляет 5%. Опрос проведен Институтом рыночных и общественных исследований 15-16 января». («Жечпосполита», 18 янв.)
- «Рейтинговое агентство «Standart & Poor's» зафиксировало вчера снижение польского долга в иностранной валюте с уровня А до уровня ВВВ+. Агентство также проинформировало о негативном прогнозе относительно рейтинга, который, скорее всего, будет падать». («Газета wyborcza», 16-17 янв.)
- «Агентство «Standart & Poor's» понизило рейтинг Польши вовсе не на основании текущей экономической ситуации в стране. Основанием стало ослабление независимости институтов, выступавших гарантами политической и экономической стабильности Польши. Упоминались Конституционный суд и общественные СМИ, однако настоящие опасения экспертов связаны с Польским национальным банком (ПНБ). Логика была такая: поскольку парламентское большинство считает, что обладает абсолютной властью, и поэтому никакие институты не имеют права им препятствовать, рано или поздно, эта проблема, скорее всего, коснется и ПНБ. А на ПНБ, согласно конституции, возложена обязанность по охране финансовой стабильности страны. Ослабление такого защитного фактора в будущем непременно приведет к серьезным финансовым проблемам», — Витольд Орловский. («Жечпосполита», 21 янв.)
- «По предварительным подсчетам Главного управления статистики, наш экономический рост в прошлом году составил 3,6% (в позапрошлом — 3,3%). С такими результатами Польша вполне может претендовать на статус одной из самых динамично развивающихся в экономическом отношении стран ЕС. Экономисты обращают внимание на безукоризненную структуру экономического развития Польши в 2015 году: росту национального продукта брутто способствовали как потребление, так и инвестиции, а также внешняя торговля». («Жечпосполита», 27 янв.)
- «Общий долг польского правительства, государственных и частных фирм, а также домашних хозяйств в иностранной валюте составляет около 350 млрд долларов. Это 75-80% польского ВВП, что значительно превышает порог экономической безопасности, который для таких стран, как Польша, составляет 60% ВВП. (...) В суматохе президентских и парламентских выборов политики не заметили, что у Польши уже сейчас довольно высокий дефицит государственных финансов, доходящий до 3% ВВП. И вместо того, чтобы предлагать какие-то решения, которые бы позволили экономить 40-50 млрд злотых ежегодно и тем самым сократить дефицит, наши политические деятели стали предлагать нечто совершенно противоположное», — проф. Станислав Гомулка. («Ньюсуик Польска», 25-31 янв.)
- «По предварительным данным, в прошлом году численность населения нашей страны сократилась на 33 тыс. человек, составив 38 млн 446 тыс. Население Польши сокращается уже четвертый год подряд. (...) В прошлом году в нашей стране родилось около 372 тыс. детей, что на 3,5% меньше, чем в позапрошлом. (...) Демографы единодушно полагают, что сокращение населения нашей страны будет продолжаться. Это связано с тем, что вот уже более двадцати лет количество рождений не обеспечивает непосредственной смены поколений. Так называемый коэффициент рождаемости составляет в Польше 1,3 — а это означает, что на 100 женщин репродуктивного возраста (15-49 лет) приходится без малого 130 новорожденных. В случае же благоприятной демографической ситуации на 100 женщин, по возрасту способных к деторождению, приходилось бы 210-215 новорожденных». (Януш Ковальский, «Дзенник газета правна», 27 янв.)
- «Группа польских офицеров проверяет в Греции личные данные иммигрантов, которые должны будут у нас поселиться. Правительство хотело бы принять в первую очередь тех, кто в большей степени подвергается угрозам преследований — христиан, а также представителей наиболее уязвимых групп, то есть женщин с детьми и пожилых людей». («Наш дзенник», 11 янв.)
- «В Польше мы имеем дело с типичной манипуляцией, поскольку пока что (...) беженцев здесь нет, но ими постоянно всех пугают. (...) Опасность для Польши и поляков может создать не сам факт прибытия к нам исламских беженцев, а то, сколько их к нам приедет. (...) Несколько десятков тысяч беженцев не создадут для нашей страны каких-либо проблем. (...) Несколько лет назад (...) через Польшу прошла целая волна беженцев из Чечни в количестве 100 тыс. человек, и никто этого не заметил. (...) Проблемы начинаются, когда в поляках пытаются цинично пробудить демоническое начало, чтобы заработать на этом политический капитал. (...) Необходимо сделать все, чтобы принять в Польше мирно настроенных людей, которые хотят поселиться здесь в поисках нормальной жизни. (...) Важным обстоятельством является то, что у этих людей перед приездом к нам спрашивают, хотят ли они жить в католической стране», — епископ Кшиштоф Задарко, председатель Совета Епископата по вопросам миграции, туризма и паломничеств. («Польска», 8 февр.)
- «В субботу в Варшаве полторы тысячи человек приняли участие в манифестации, направленной против “мусульманского завоевания Европы”. Выступления депутатов от партии “Кукиз'15” перемежались скандированием речевок о “грязнулях, дикарях и ублюдках”». («Газета wyborcza», 8 февр.)
- «Группа поляков напала на беженцев в Германии. Немецкая полиция задержала пятерых поляков, находившихся в состоянии алкогольного опьянения, которые напали на мигрантов в лагере для беженцев в Адельсхайме». («Дзенник газета правна», 13 янв.)

- «30 часов общественных работ ежемесячно в течение года и запрет посещать стадионы в течение двух лет — к такому наказанию суд вчера приговорил четырех болельщиков футбольного клуба “Лех” (Познань) за то, что они в 2013 году во время футбольного матча вывесили плакат “Литовский хам, на колени перед польским паном”». («Газета выборча», 8 янв.)
- «Расизм, ксенофобия, ненависть — вот наши проблемы, и очень хорошо, что мы начали о них говорить, вместо того, чтобы как-то вытеснить их из своего сознания. Тем более сейчас, когда наш имидж формирует партия, которая видит Польшу национальным государством с одной религией. Эта партия выиграла выборы, однако позиция мэров многих городов показывает, что в Польше есть еще и люди, считающие основой своей ментальности и культуры европейские ценности. И этих людей посредством прямого голосования также выбрало общество. (...) Для меня демократия является святыней, а деятельность «Права и справедливости» в отношении Конституционного трибунала ведет к ограничению судебной власти, что, в свою очередь, нарушает принцип разделения и равновесия властей. Меня очень тревожат разговоры о возможных изменениях в конституции. (...) У меня есть определенные предубеждения относительно национал-социализма и коммунизма, а риторика и поведение Ярослава Качинского ассоциируются у меня с «руководящей ролью партии». (...) В моем городе какие-либо общественные и культурные мероприятия не будут запрещаться по идеологическим соображениям. (...) Здесь, в Познани, я намерен защищать тот нормальный, характерный когда-то для всей Польши, подход к культуре, свободе СМИ и другим европейским ценностям», — Яцек Яськовяк, мэр Познани. («Газета выборча», 30-31 янв.)
- «Мэры пяти польских городов — Вроцлава (Рафал Дуткевич), Познани (Яцек Яськовяк), Гданьска (Павел Адамович), Валбжиха (Роман Шелемей) и Кракова (вице-президент Катажина Круль) подписали совместную декларацию, получившую название “Вроцлавская декларация”. Во вступлении к ней говорится: “Будучи верными принципам толерантности и взаимоуважения, мы заявляем о своей готовности предпринять следующие шаги в целях создания в наших городах условий для доброжелательного взаимодействия разных культур и мировоззрений”. Далее приводится перечень тех действий, которые намереваются предпринять авторы декларации». (по материалам «Газеты выборчей» от 30-31 дек.)
- «В Польше охотничьи билеты выданы 116 тыс. охотников, которые ежегодно отстреливают около 1,5 млн животных. Многих животных охотники ранят, при этом обнаружить удается только часть подранков — остальные, как правило, умирают в лесу. (...) Почти 70% поляков не одобряют современной охоты и не хотят, чтобы охотники жестоко относились к животным, как к неживым предметам». (Зенон Кручинский, «Газета выборча», 4 февр.)
- «Золотые времена дрофы в Польше приходятся на XVII-XIX века. Потом эта птица (весащая около 17 кг) стала постепенно вымирать. Во второй половине 70-х годов XX века дрофу пытались спасти, занимаясь ее опытным разведением, но в 1980 г. неизвестные злоумышленники забили палками 9 из 13 живших на ферме птиц. В 1989 г. погибла последняя польская дрофа. Однако в конце декабря натуралисты-любители сообщили, что в поле в 30 км от Кракова видели живую дрофу». («Газета выборча», 12 янв.)
- В манифестации против вырубки Беловежской пуши, прошедшей возле здания Канцелярии премьер-министра, участвовало около 2 тыс. человек. «Марш энтов (персонажи книг Толкиена, внешне напоминающие деревья) в защиту Беловежской пуши стал сенсацией, поскольку такой массовой демонстрации в защиту окружающей среды не было уже давно. (...) На мероприятии присутствовали политики из разных партий, множество простых людей пусть и самых разных взглядов, (...) но солидарных в том, что сегодня они вышли на защиту чего-то очень важного. Приехали и жители окрестностей Пуши. (...) Среди них были даже жители Хайнувки, а также близлежащих деревень, приехавшие самостоятельно, за свой счет. Они, в частности, рассказали, что думают о вырубке Пуши. Этих людей нужно поблагодарить особо, поскольку многие из них пошли наперекор мнению своих соседей и даже собственных семей». (Адам Вайрак, «Газета выборча», 18 янв.)
- «Поскольку так называемым экологами и группе натуралистов не удалась попытка административного расширения Беловежского национального парка, они пытаются уничтожить леса методом свершившихся фактов. (...) Поддерживаемые лево-либеральными СМИ и деньгами ЕС, экологи хотят максимально ограничить вмешательство лесных служб в работу по охране лесов». (Адам Кручек, «Наш дзенник», 1 февр.)
- «В декабре 2015 г. окружной суд Лодзи вынес решение об отсутствии состава правонарушения в действиях депутата Стефана Несёловского (“Гражданская платформа”), который назвал “Наш дзенник” “заборным листком” и “псевдокатолической” газетой, изливающей на читателя “бесконечный поток лжи”. Судьи (...) посчитали, что пресса должна “с пониманием относиться к резким, а иногда и к слишком эмоциональным высказываниям на свой счет”. Высказывания проф. Несёловского, по мнению суда, “носили оценочный характер и не выходили за рамки дозволенного”». (Зенон Барановский, «Наш дзенник», 21 янв.)
- «Главная новость для человечества заключается в том, что мы живем во времена шестой катастрофы, то есть внезапного кризиса биосферы, выражающегося в вымирании различных видов. (...) Так оно и есть на самом деле. Большинству людей чуждо понимание этой истины, а обладающие этим знанием, кажется, махнули на всё это рукой. (...) Еще никогда в истории человечества мы не находились в такой ситуации. (...) Нашим приоритетом должны стать экосистемы. Не отдельные виды, а целые экосистемы. (...) Я жду, когда политики скажут: “Нашим приоритетом является сохранением экосистем”, “Экосистемы — это наше будущее”. Я жду, что обычные люди

во время самой обычной беседы скажут, что отказались от далеких путешествий ради сохранения экосистемы», — Рышард Кулик. («Дзике жице», февраль)

3: По горячим следам

— *Что происходит с Лехом?*

— Лех Валенса окажется теперь в очень трудной личной ситуации, я попросту опасаясь за его жизнь, поскольку у него уже возникали проблемы с сердцем, а такие люди, как мы, очень плохо переживают подобные моменты, обвинения такого рода, причем не только в Польше, но и везде в мире.

— *Считаете ли вы, что он совершил ошибку, в том числе и с точки зрения своего здоровья? Возможно, ему было тяжело в начале 1990-х годов дать честный отчет о случившемся, но почему в 2000-е годы, уже после окончания своего президентского срока он так и не рассказал, как все это выглядело?*

— Лех Валенса — очень сильная личность, а люди такого типа плохо переносят возле себя других сильных личностей. Поэтому остальных сильных людей — не только меня, но и Адама Михника, Бронислава Геремека, а также многих других — он держал на некотором расстоянии. По этой же причине он окружил себя какими-то, извините за выражение, «лопухами». Так вот, если кому-нибудь хочется обнажать подобного рода вещи из своей биографии, это делают не в окружении «лопухов», а в окружении других крупных, сильных личностей, потому что это чрезвычайно трудный момент. А Лех Валенса таких людей отогнал от себя на пушечный выстрел. Именно так действуют люди подобного склада. И мы это знали. Для нас Валенса остается великим лидером того времени — со всеми своими личными слабостями, которые и привели к конфликту с ближайшим окружением: с Аней Валентинович и многими другими. Единственным человеком, который остался рядом и пользовался доверием Валенсы, был Богдан Борусевич, служивший связующим звеном между нашими сферами.

— *А не сказался ли на отношениях Валенсы с его ближайшим окружением: с Анной Валентинович или семейством Анджея Гвязды — как раз факт сотрудничества со спецслужбами в 1970-1976 гг., факт, что существовали подтверждающие это документы, которые где-то циркулировали, а часть людей питала убеждение, что Лех Валенса был секретным сотрудником?*

— Нет. Подозреваю, что это никак не связано с тем, о чем вы говорите. Зато, когда спецслужбы вновь вытащили данное дело на поверхность, это только обострило неприязненные отношения между ними и Валенсой. Позже было уже невозможно вернуться к сложившейся ранее ситуации.

— *Вы полагаете, что в 1970 году (после декабрьских событий, этого страшного момента в истории Польши) Леха Валенсу сломали, и он вплоть до 1976 г. сотрудничал со службой безопасности ПНР, а потом разорвал это сотрудничество, и оно уже не имело для него ни малейшего значения?*

— Не имело. Позднее это сотрудничество лишь аукается — таким образом, который оказался пагубным для нашего и его положения, приняв форму, когда близкие ему люди (к примеру, тот же Анджей Гвязда) вытаскивали это сотрудничество в качестве своего рода обвинения. Для меня уже это не подлежит сомнению — сегодня папка с делом Леха Валенсы служит инструментом борьбы, причем не политической (потому что к политике я отношусь серьезно), а исключительно за власть. Она стала инструментом борьбы отдельных группировок и людей за власть, и таким инструментом уже останется.

— *Как в соответствии со своим разнообразным опытом чувствует себя Збигнев Буяк, когда слышит, что у власти есть потребность знать о нас всё?*

— Очень плохо. Меня поражают масштабы возможностей слежки. В былые времена мы боялись прослушки, наблюдения и надзора, но те возможности, которыми располагают спецслужбы сегодня, меня просто шокируют. Разумеется, пока эти возможности направлены против преступников — всё в порядке, но ведь я отдаю себе отчет, что в борьбе за власть и за должности, вообще в предвыборной борьбе эти современные политики способны прибегнуть к любым методам. И во всем этом я чувствую себя ужасно.

— *Что обнаружится в материалах совещаний Круглого стола в Магдаленке?*

— Любопытные вещи. Любопытные в том смысле, что на переговорах такого типа игра, ведущаяся за их окончательный результат, — это довольно-таки сложная игра. Например, на киноплёнках мы видели весьма активного Адама Михника. Почему? Потому что как раз Адам Михник энергичнее всех убеждал нас в необходимости урегулирования этого конфликта посредством переговоров. Поэтому, когда дело уже дошло до реальных переговоров, он чувствовал себя по-настоящему счастливым из-за того, что мы решаем данный конфликт именно таким путем. Мы видим его в ходе переговоров с проф. Рейковским, а тот был серым кардиналом второй стороны, и отсюда ясно, что Рейковский здесь — важная персона. Для людей, которые занимаются переговорной тактикой и стратегией, названный фильм невероятно ценен. Мы, впрочем, видели, что нас снимают. Если бы мы были подозрительнее, то просто не позволили бы вести съемку, и дело с концом. Но мы согласились на нее, так как знали, что это будет в какой-то степени интересный документ эпохи.

Видим мы там и других лиц, например, переговоры с Анджеем Гдулей, который тогда действовал на стороне

«партийного бетона» и был готов в случае необходимости даже опрокинуть весь этот Стол. Таким способом мы имеем возможность показать на указанных переговорах все важные фигуры и моменты. Вопрос лишь в том, насколько Адам Михник и Януш Рейковский были бы сегодня в состоянии вспомнить, о чем они в то время переговаривались. Для истории переговоров такого типа это было бы весьма важным элементом.

— ***Вы прекрасно знаете, что Магдаленка стала неким символом — символом всего зла, связанного с переговорами за Круглым столом: тайных пактов о будущем ненападении, о том, что определенные сферы влияния будут сохранены, что расставание власти с властью не окажется настолько болезненным, каким оно могло бы стать. Происходило ли нечто такое в Магдаленке и вылезет ли это сегодня на свет божий?***

— Ничего такого не происходило и ничего не вылезет. Вылезти оно может только в том случае, если участники захотят вспомнить какие-то из более трудных моментов, а мы сможем чуть лучше выяснить, в чем состояла тогдашняя тактика. Впрочем, самым большим скандалом, который я видел на вышеуказанной пленке, было то обстоятельство, что три человека, а точнее, Лех Качинский, Адам Михник и Яцек Куронь, безостановочно смолят сигареты. Сегодня такие вещи были бы невозможны, так как культура проведения совещаний сделалась иной. С подобной точки зрения эти вещи могут оказаться любопытными.

Тосты, возлияния — эти факторы выглядят, конечно же, отягчающими. Надо лишь не забывать, что в такого рода ситуациях и на таких переговорах тосты всегда крайне красноречивы и многозначительны. Мне больше всего запомнился первый момент, от которого у нас прямо-таки кровь в жилах застыла, когда вдруг генерал Кищак провозгласил тост за генерала Ярузельского. От этого у нас все внутри похолодело, и мы быстро начали соображать, как тут быть. С одной стороны, ведь именно Ярузельский примет решение, подписывает он данный пакт или нет. Стало быть, он — важная фигура, и за его здоровье есть смысл выпить. Но, коль мы выпьем за его здоровье, то каким должен быть ответ с нашей стороны? Среди нас имеется один человек, у которого коэффициент IQ равен 221, так что все мы смотрим на Адама Михника: мол, ты чего-нибудь придумал или нет? И вот проходит тот первый момент, когда он тоже окаменел, и мы вдруг видим, что в его глазах появляется блеск, этакая легкая улыбка... Ага! Он знает! Хорошо, значит, нам можно выпить. А через минуту-другую тост предлагает Адам Михник. За кого? За здоровье Андрея Сахарова. Здесь уже Кищак малость передернуло, но и они выпили. Позже оказалось, что правильно сделали. Когда в личном разговоре я спросил у генерала Ярузельского, в какой момент он принял решение, что будет вести переговоры, он ответил, что таким импульсом для него, как выяснилось, послужил телефонный звонок Горбачева Сахарову.

— ***Мог ли человек того типа, каким был генерал Кищак, запланировать такой сценарий после своей смерти? Как, по вашему мнению, обстоит дело с этими бумагами Кищака, которые сейчас всплыли у его вдовы?***

— Это почти классическая ситуация. Многие люди, в том числе знаменитые агенты, равно как и руководители различных спецслужб стараются собрать важные бумаги. У нас данное явление еще более усугубляется, поскольку все процедуры рухнули, так что в определенный период он мог затребовать нужные ему папки или дела и попросту забрать их домой. Никто не отваживался спросить его об этом. Процедуры, которые функционируют в Соединенных Штатах, Англии, Канаде либо Германии, делают такие вещи невозможными, но даже там случается, что пропадают документы такого рода. Здесь нет ничего сверх того, что нормально функционирует в спецслужбах и политике.

— ***Почему правящая ныне коалиция и, например, Кишиштоф Вышковский так ненавидят Круглый стол и Леха Валенсу, называя это «предательством»?***

— Вышковский и другие, то есть весь авангард «Солидарности» — это люди незаурядные, с сильными характерами. Когда завершается та эпоха борьбы, с которой мы имели дело когда-то, и наступает время серьезных системных реформ, то перед людьми вроде меня встает вопрос: какую задачу ставит перед нами в этой только что возникшей ситуации наше новое, вновь обретенное государство? И когда нам говорят, что мы были нужны во время борьбы, а теперь пришло время строительства, стало быть, затребованы совсем другие люди, нас тем самым сталкивают на обочину, а это в людях нашего типа обязательно вызывает злость и протест. Как вы знаете, я отказался принимать орден за заслуги тех лет, сказав, что я еще молодой человек и мне нужен не орден, а задание. В Вышковском я вижу такого же человека. Если принять во внимание все его достижения, а также индивидуальные качества, то он являлся человеком, которому в Третьей Речи Посполитой можно было поручать очень серьезные миссии, задачи и роли.

— ***Добавим к этому, что в 70-80-х годах он был необычайно храбрым человеком.***

— Разумеется. Я бы сказал, что для партнеров из-за рубежа личность вроде Вышковского, стоящая во главе, например, какой-нибудь из специальных служб, была бы гарантией стопроцентной надежности. Самая главная и единственная компетенция для руководителя спецслужб — это то, можем ли мы полностью доверять ему. С точки зрения всей геополитической конфигурации в целом. Если таких людей держат где-то в стороне и отстраняют от государственных дел, то непременно возникнут проблемы.

— ***Как вы, один из создателей Гражданского комитета солидарности с Украиной, оцениваете ситуацию в этой стране?***

— С одной стороны, мы наблюдаем теперь в ее парламенте и кабинете министров весьма скверную ситуацию. Зарубежные партнеры Украины очень плохо смотрят на любую попытку прямо сейчас осуществить

реконструкцию ее кабинета или (упаси Бог) провести выборы. Просто не хотят ничего такого, и это правильно, поскольку подобные вещи будут очень сильно дестабилизировать внутреннюю ситуацию. Они бы предпочли, чтобы страна сосредоточилась на процессе реформ, которые постепенно продвигаются вперед. С другой стороны, то, в чем принимаю участие я, — это феноменальное развитие гражданского общества. Такую атмосферу, стихийный подъем и степень ответственности у людей я наблюдал только в период польской «Солидарности». Я полон оптимизма, если речь идет об Украине. Нынешнюю войну они уже в принципе выиграли. Вопрос теперь только в одном: как это закончить?

Расшифровала Элиза Вольская

Збигнев Буяк (р. 1954) — активист демократической оппозиции, руководитель «Солидарности» региона Мазовия, деятель подпольных структур «Солидарности». В настоящее время — преподаватель Варшавского университета.

4: Уголь и влияние России

Способны ли приоритеты правительства Беаты Шидло и проводимые в структуре государственной администрации изменения гарантировать энергобезопасность на уровне страны, регионов и потребителей энергии? Над этим вопросом размышляет председатель Института возобновляемой энергетики Гжегож Вишневецкий.

Приоритетом правительства является «обеспечение безопасности граждан нашей страны», в том числе «экономической безопасности, особенно в хозяйственной и информационной сферах», — заявила в своей речи в Сейме премьер-министр Польши Беата Шидло. Непосредственно после ее выступления Сейм утвердил поправки к закону о деятельности правительственной администрации, которые позволили сформировать в структуре правительства Министерство энергетики, а также назначить уполномоченного правительства по делам стратегической энергетической инфраструктуры. За энергетическую безопасность отвечает не только министр по делам энергетики, политическая задача которого — «контроль польского угля как источника энергии», а формально — забота об инфраструктуре передающих энергетических систем, но и уполномоченный правительства, осуществляющий надзор за государственными операторами сети транспортировки электроэнергии и газового топлива.

Известно, впрочем, что основой экономической безопасности (хотя и не единственной) является энергобезопасность, которая в Законе об энергетике определена как «состояние экономики, позволяющее целесообразно с технической и экономической точек зрения удовлетворить текущий и перспективный спрос потребителей на топливо и энергию при соблюдении требований охраны окружающей среды». Возникает вопрос, справится ли новая структура управления энергетической безопасностью с задачами, поставленными в Законе об энергетике, и отвечает ли существующее определение энергобезопасности актуальным требованиям, а также общественным ожиданиям и задачам развития страны.

Закон лишь перечисляет три аспекта энергетической безопасности: технический, экономический и экологический, не определяя их взаимосвязи. Ошибочным видится упрощение, состоящее в буквальном понимании данного в законе определения и трактовка этих понятий как друг от друга не зависящих, в виде «трех столпов» — ведь повреждение даже одного из них чревато для всей конструкции. Неверным представляется также выстраивание их в иерархию, по подобию пирамиды потребностей Маслоу, в которой нижний слой представлен техническим аспектом, средний — экономическим, а вершина — экологическим. Такой подход, пропагандируемый энергетическим сектором, приводит, в частности, к умалению значения экологического аспекта, трактуемого как «высшая потребность», удовлетворение которой не имеет смысла без предварительного обеспечения потребности основной — технической, реализуемой без учета как экономических последствий (платить будет клиент), так и экологических, в особенности долгосрочных. Последние, как правило, связываются с покрытием экологических издержек из других источников (бюджеты ведомств по охране окружающей среды, здоровья, сельского хозяйства).

А где забота об окружающей среде?

Можно заранее поставить условие, что уполномоченный правительства в ранге статс-секретаря, отвечающий за передающую инфраструктуру, позаботится в первую очередь о технических аспектах и международных связях, а министр энергетики — об экономике производства и доставке, но учтет ли кто-нибудь экологические аспекты? Сможет ли министр по делам энергетики, занимающийся прежде всего вопросами контроля польского угля, действовать «целесообразно с экономической точки зрения» и в соответствии не только с настоящими, но и с

будущими экологическими требованиями? Как совместить развитие международных связей и транспортировочных свойств топлива и энергии с ценой на уголь, как особый источник энергии, во внешней политике? Исследования показывают растущий вместе с тем спрос общества на увеличение безопасности. Следует дать время обоим новоназначенным министрам присмотреться к проблемам или даже противоречиям, но уже сейчас стоит задавать вопросы и выдвигать требования, поскольку проблема эта серьезна и не всегда обществом осознается. Проще говоря, ни обеспечение поставок нескольких тонн угля в каждое из домашних хозяйств, ни развитие передающих сетей газа и электроэнергии не решат проблемы энергетической безопасности потребителя. Чего еще не хватает, и какие дополнительные аспекты следует учесть? Существующее определение энергетической безопасности и принятые политические цели допускают необходимость диверсификации энергобезопасности между тремя уровнями — государственным, региональным и местным. Согласно действующему закону, на местный уровень передана лишь ответственность за обеспечение безопасности в сфере удовлетворения тепловых потребностей, а коммунальная инфраструктура, в соответствии с вышеупомянутым переработанным законом об отделах правительственной администрации, относится к Министерству развития. Это результат традиционного понимания рынков электроэнергии, газового топлива и тепла как не зависящих друг от друга. Возникает вопрос, рационально ли с экономической, экологической и общественной точек зрения в эпоху развития новых технологий (таких, как рассеянные солнечные, ветряные и биогазовые источники, а также подвижные приборы с накопителями энергии, к примеру, тепловые насосы и электрические автомобили) перекладывать ответственность за энергетическую безопасность исключительно на центральную власть и государственные фирмы, и до какой степени могут и должны взять ее на себя граждане, в том числе так называемые просументы (мелкие производители энергии для собственных нужд или на продажу), а также локальные и региональные органы власти самоуправления. Стоит отметить, что уже правительство Ежи Бузека в своей стратегии энергетической безопасности 15 лет назад указывало на большое значение локального «столпа безопасности». Многие свидетельствуют о том, что к этой концепции стоит и даже необходимо вернуться, чтобы не поддаться иллюзии, будто уголь и передающие сети — это сейчас единственное и перспективно лучшее решение стоящей проблемы.

Источником новой опасности для работоспособности электроэнергетической системы в ее нынешнем виде становится меняющийся климат. Уже забылся щецинский блэкаут — результат катастрофического обледенения воздушных линий электропередач весной 2008 года. С точки зрения отдельных потребителей (населения, агломераций и фирм), критичным является также неустойчивость сетей к аномальным погодным явлениям — метелям и бурям, увеличение количества которых мы наблюдаем в последние годы. Необходимость использовать в августе прошлого и нынешнего года административный инструмент ограничения потребления электроэнергии, каким было введение, в силу погодных явлений, 20-й степени подачи^{Наибольшее ограничение при подаче электроэнергии} в целях предотвращения повреждения технологических объектов. — Примеч. перев.

, со всей остротой обнажила проблему непосредственной угрозы энергетической безопасности в наиболее важном — техническом — аспекте (временная утрата равновесия в балансе электрической мощности). Угольные тепловые электростанции (охлаждаемые водой из обмелевших рек) и существующие передающие сети оказались неэффективными при повышенном спросе на электроэнергию для кондиционеров во время жары. Но случай этот послужил основой для требования (главным образом, со стороны представителей электроэнергетического сектора) ускорить процесс восстановления и дальнейшего расширения производственных возможностей, по-прежнему опирающихся на сжигание угля как гаранта энергобезопасности. Однако проектирование форм заявленного в речи премьер-министра обеспечения безопасности (в том числе энергобезопасности) таким образом, чтобы оно было признано целесообразным действием, требует предварительной оценки возможностей, которые появляются в результате технологического прогресса. Необходим также анализ рисков, проведенный с особым учетом явлений, до сих пор отсутствующих, в том числе совершенно новых рисков климатического характера, оцениваемых в категориях так называемого «столетнего риска». Повторения похожей ситуации нельзя исключить ни летом 2016 года, ни даже зимой этого года, если при низком уровне воды ударят сильные морозы. В декабрьском рапорте Европейской сети операторов передающих систем (ENTSOE-E) Польша названа единственной страной в Евросоюзе, у которой по разным причинам уже этой зимой могут возникнуть проблемы со сбалансированием мощности.

Анализ дальнейшего развития электроэнергетического сектора в контексте энергетической безопасности следует начать с утверждения, что инвестиционные решения, принимаемые сегодня, будут действовать в течение 40-50 лет, поскольку именно таков период жизни крупномасштабных энергетических активов (производственных единиц и передающих линий). Обязательной является постановка вопроса, в какой степени эти активы будут согласовываться с рынком энергии (в масштабе страны и Европы в целом) на протяжении всего периода их существования. И здесь недопустима аргументация, что поскольку в течение 150 лет электроэнергетический сектор в принципе не изменялся (увеличивалась только мощность единиц), то и в течение последующих 50 лет также ничего не изменится. В качестве предостережения может послужить пример телекоммуникационного сектора, где сегодня уже никто не думает о строительстве коммутаторов (которые были повсюду еще 20 лет назад), а городские телефонные будки сейчас массово исчезают с улиц за ненужностью. Финансисты и

сотрудники компании «Carbon Tracker Initiative», в связи с подписанным в Париже мировым соглашением по вопросу ограничения роста температуры земного шара на 2°C, утверждают, что энергетические фирмы при планируемых инвестициях в ископаемое топливо могут впустую потратить 2 млрд долларов США, поскольку никогда не смогут использовать мощность этих источников. Эти явления нашли отражение уже в начале 2014 года, например, в решениях французского концерна «GDF Suez» (ныне — «Engi») об отказе от строительства угольных и газовых электростанций в ЕС (в том числе в Польше). В конце 2015 года о подобных решениях заявили немецкие концерны. Компания RWE сообщила, что не запустит свою инвестицию размером 1,1 млрд евро в угольную электростанцию, а группа компаний E.ON в 2015 году заявила о закрытии двух новых нерентабельных газовых блоков. В этом отношении необходим учет новых возможностей, какие дает развитие технологий производства энергии, основанных на иных, чем сжигание ископаемого топлива, технологических процессах, а также развитие технологии запасаения энергии и телекоммуникационных технологий, позволяющих эффективным образом интегрировать использование собственных (в идеале — местных) запасов энергии и управлять таким рассредоточенным ресурсом.

Угроза с востока

Появляются и совершенно новые риски — политические. Не секрет, что Российская Федерация во главе с президентом Путиным превратила энергоносители в политическое оружие. Это касается, в первую очередь, поставок природного газа, но электроэнергетика, в силу ее непосредственного и незамедлительного влияния на все экономические процессы, отнюдь не становится с этой точки зрения менее «привлекательной». Не секрет также, что приоритетами внешней политики России является деятельность, направленная на ослабление Евросоюза как структуры, единство которой препятствует реализации экономических и политических целей РФ, в том числе на экономическое и политическое ослабление Польши как члена ЕС. Идеальным инструментом реализации этой политики является продвижение мнения о роли угля как гаранта энергетической безопасности Польши. Это позволяет, с одной стороны, вносить разлад между Польшей и Европейской комиссией в сфере инструментов климатической политики и создавать образ Польши в глазах европейского общественного мнения как отсталого и ненадежного партнера, а с другой стороны, усиливать разногласия внутри польского общества за счет настраивания его против горнодобывающей отрасли из-за необходимости терпеть убытки, связанные с поддержкой этой отрасли из средств бюджета. Впрочем, поддерживаемые обществом белхатувская забастовка (2003) и недавняя забастовка шахтеров Ястржембской угольной компании являются примерами того, насколько несерьезен тот аргумент, что собственные ресурсы угля как носителя первичной энергии являются сами по себе гарантом безопасности. Недавним примером того, сколь резкие формы может приобретать использование электроэнергетики в политических целях, может быть физическое отрезание Крыма от украинской энергетической системы. А учитывая драматичное развитие политической ситуации на юге Европы, можно прогнозировать, что «желающих» прибегнуть к этому средству будет больше. До сих пор никто не предполагал в качестве реального сценария возможной террористической атаки на электроэнергетические установки. Неустойчивость электроэнергетической системы к описанным выше угрозам, носящим прогрессирующий характер, тесным образом связано — в существующей модели энергосистемы — с масштабом отдельных производительных установок. Крупные источники, уже сами по себе могущие стать объектами целенаправленной атаки, нуждаются в транспортировке энергии на большие расстояния, а необходимые для этого сети подвержены угрозам как со стороны погодных явлений, так и со стороны терактов. Более того, следует отметить, что современная экономика, в том числе и энергетическая, будет опираться в решающей степени на средний и малый бизнес, значительно более гибкий в вопросах реагирования на изменяющиеся рыночные условия, чем известные из истории «великие стройки социализма». Поэтому постепенное рассредоточение потребителей должно сопровождаться также распределением источников энергии, размещенных как можно ближе к местам потребления, ориентированных на использование рассредоточенных, локально доступных запасов первоначальной энергии, доступ к которым нельзя ограничить ни политическим решением, ни авантюрой определенной группы лиц, ни терактом. Ограничение роли сети как средства передачи энергии позволит также хотя бы частично ограничить разрушительное влияние меняющегося климата. В противном случае сама несогласованность между по-прежнему развивающимся централизованным производством электроэнергии и ее рассредоточенным потреблением будет источником растущей неуверенности, угроз и дополнительных затрат, независимо от рисков, описанных выше. Рискованно оставлять без внимания повторяющиеся время от времени и надоевшие до оскомины демагогические пассажи о том, что, якобы, национальные запасы ископаемого топлива являются единственным гарантом безопасности и суверенности страны, а возобновляемые источники, эфемерные по своей сути и дорогие, — это всего лишь прихоть богатых, которую Евросоюз пытается навязать нам с целью навредить.

Для эффективного осуществления этих действий необходимо оградить законодательный процесс от составления закона под диктовку местнических групп, чьи интересы идут вразрез с государственными интересами Польши или только вынужденно с ними согласуются. В этой связи нужно проследить механизм блокирования в течение нескольких последних лет — уже на уровне правительственных работ — всех бывших (в общей сложности четырех) законодательных инициатив, целью которых было создание юридического инструментария для

заложения в Польше основ современной энергетики, использующей рассеянные ресурсы, и механизм искажения закона о возобновляемых источниках энергии, который превратил этот закон из способствующего развитию в блокирующий его. Польша обязалась перед ЕС выполнить эти действия, и их неисполнение или неэффективность в недалекой перспективе приведет к необходимости импорта «зеленой» энергии, принудит Польшу осуществлять дорогие, так называемые статистические трансферты, или спровоцирует наложение со стороны Европейской комиссии санкций за неисполнение очередных директив, а уже сейчас препятствует развитию производства необходимых материалов и устройств. Результатом этого — если неизбежность санкций станет осознаваемым фактом — станет исполнение этих решений из необходимости опираться на импорт топлива, энергии, а также современных технологий, не лучшим образом отвечающих нашим потребностям.

Шанс для Польши

Парадоксально, но декарбонизация, форсируемая Европейской комиссией в рамках ее климатической политики, планомерно вводимая и умело используемая, может быть инструментом повышения уровня безопасности граждан и суверенности Польши за счет ослабления влияния политики РФ на ее внутреннюю ситуацию и отношения в рамках Евросоюза. Ее медленное, но последовательное осуществление намечает пути выхода из ловушки, в которой на протяжении многих лет находится правительство Польши, провоцируемое угрозами со стороны нынешних шахтерских забастовок или гражданских протестов против повышения цен на электроэнергию. Запомнившееся падение правительства Болгарии на волне таких протестов должно, вероятно, подтвердить эти опасения правительства. Важно, однако, что вовлечение ресурсов государства в борьбу с климатической политикой ЕС сохраняет ощущение невозможности выхода из замкнутого круга, затянутого вокруг правящих энергетическим сектором, извлекающим пользу из сохранения статус-кво. В общественное сознание еще не проник тот факт, что прежнее развитие централизованной электроэнергетики, основанной на угле, провоцирует гораздо более высокий рост цен на электроэнергию, чем переход на рассредоточенное производство, использующее возобновляемые ресурсы, которые способны остановить эту тенденцию. Смена лиц на высоких постах в администрации и руководстве энергетических компаний дополнительно усиливает предположение, что мы можем столкнуться с соблазном «законодательного поощрения» или непосредственным лоббированием «из центра» администрации местных отраслевых интересов. Проблема партикулярного создания закона в целях внедрения непрозрачной и вредящей энергобезопасности и охране окружающей среды технологии сжигания биомассы с углем, а также афер по введению порочного закона, широко описана. Технологии изменились, но менталитет, по крайней мере, некоторых отраслевых руководителей, пожалуй, остался неизменным. Сколько в этом «собственной инициативы», а сколько более или менее умелого влияния чужих интересов — сегодня оценить нельзя. Исходя, однако, из сентенции «по плодам их узнаете их», эффективность этих влияний может внушать уважение.

Процесс отхода от ископаемого топлива невозможно осуществить за какие-нибудь 10–20 лет. Необходим, однако, сигнал, на уровне политических деклараций и законодательства, о целесообразности инвестирования в развитие промышленности и услуг, направленных на использование рассредоточенных производительного и запасного ресурсов, «умных» домов, «умных» сетей и контроля над ними, а также потребительских решений в сфере как частных, так и промышленных потребителей энергии. Это то пространство, которое вполне в состоянии создать альтернативные места работы по мере их неизбежного сокращения в горнодобывающей промышленности, которая — главным образом по причинам общественным — не может быть оставлена в одночасье. Было бы неправильным — вопреки экономическим фактам — без конца обманывать шахтеров и держать их в заблуждении об их решающей роли в экономике в долгосрочной перспективе. Да, горнодобывающая промышленность исторически была настоящим двигателем экономического развития страны, но нельзя закрывать глаза на ускоряющиеся процессы технологических изменений. Сейчас угольные производственные ресурсы должны помочь в деле перехода на новую энергетику, отвечающую современным требованиям и возможностям, и не должны становиться причиной замедления развития страны и постепенного, но неизбежного в среднесрочной перспективе, ослабления энергобезопасности.